

стной работы историков и археологов СССР, весьма многообещающие перспективы. Особенно теперь, когда сама археологическая наука в Болгарии успешно перестраивается на основе марксизма-ленинизма.¹

Широкая программа борьбы за дальнейший расцвет болгарской науки, литературы и искусства, намеченная VI съездом Болгарской Коммунистической партии, создает все необходимые условия и для полного устранения всех недостатков в развитии византиноведения в народнодемократической Болгарии.

Э. В. Удальцова

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ

(О книге Jack Lindsay „Byzantium into Europe“. London, 1952, 485 стр.)

В числе византиноведческих исследований, вышедших за последние годы на Западе, выделяется книга прогрессивного английского писателя Джека Линдсея „Влияние Византии на Европу“.

Линдсей — прогрессивный английский писатель, давно известный своими художественными произведениями и научно-популярными трудами в области главным образом литературоведения. В своих романах, посвященных событиям английской буржуазной революции XVII в., Линдсей воздаст должное революционно-демократическим традициям английского народа.

Рецензируемая книга по истории Византии является свидетельством того плодотворного воздействия, которое оказывает марксистско-ленинская методология на передовых деятелей буржуазной интеллигенции, работающих в области общественных наук.

В нашей печати отмечалась деятельность группы английских прогрессивных историков, в том числе и медиевистов, указывались их достижения и слабые стороны, имеющие место в их работах. До сих пор круг исследовательских проблем, которые изучались этими историками, ограничивался преимущественно историей стран Запада. Вопросами Византии специально занимался только один ученый-марксист — Роберт Браунинг: ему принадлежат статьи о восстании зилотов в Салониках в 1342 г. (опубликовано в болгарском „Историческом прегледе“ за 1950 г., № 6) и об антиохийском восстании 387 г. (опубликовано в „Journal of Roman Studies“ за 1952 г.). С появлением книги Линдсея в область исследования передовой английской историографии впервые вошла история Византии в целом.

Самый факт обращения прогрессивного писателя к византийской истории чрезвычайно отраден. Создание подлинной истории Византии, прежде всего истории ее настоящих творцов, создателей византийской культуры, — это весьма важная задача прогрессивной зарубежной медиевистики. С этой точки зрения книга Линдсея безусловно представляет определенный интерес.

Правда, эта книга является научно-популярным трудом, тем не менее она может быть расценена как первая, не только в английской, но и вообще в западноевропейской историографии, попытка освещения ви-

¹ Първа научна сесия на Археологическия институт. София, 1950; см. также сборники „Разкопки и проучвания“ (изд. Бълг. Акад. на науките — Народн. археол. музей) и новые тома „Известия на Археол. инст.“.

зантийской истории с точки зрения марксизма. Книга Линдсея, несмотря на содержащиеся в ней ошибки и недостатки (отчасти проистекающие и от того, что автор ее не является специалистом-историком), углубляет теоретическое понимание ряда вопросов этого немаловажного раздела средневековой истории; она содействует развитию прогрессивной науки в Англии.

Именно поэтому книга Линдсея встретила неодобрительную оценку со стороны некоторых представителей буржуазного византиноведения, которые видят, что применение исторического материализма к истории Византии ведет к коренной перестройке этой области исторической науки.

Она встретила необоснованную оценку в литературном приложении к газете „Таймс“ (от 12 декабря 1952 г.). К этой оценке книги Линдсея присоединился профессор Гарвардского университета Глэнвиль Дауней.¹

Книга Линдсея состоит из шести частей: 1) обстановка места действия; 2) очерк истории Византии; 3) формы базиса и государства и формы политической борьбы; 4) борьба в области религии; 5) искусство, драма, музыка, литература; 6) внешние сношения и влияния.

Автор пишет, что целью, которую он преследовал при написании этой книги, было не только рассказать об истории Византии и ее культуре, но показать также роль, сыгранную ею в формировании культуры всей Европы. По его мнению, невозможно понять историю Восточной или Западной Европы, не принимая во внимание Византии и исходившего из нее влияния (стр. 10).

Значение Византии Линдсей видит прежде всего в том, что ее история обнаруживает все переходные формы от античности к средневековью: „Вследствие того, что большое количество форм и идей было сохранено византийским миром от античного государства, он оказался способным, — пишет автор, — дать остальной Европе на много столетий направление в сторону развития новых социальных отношений. В этом процессе Византия питала Европу культурными и политическими формами и сделала возможным переход в средневековое общество максимума важных достижений античного прошлого“ (стр. 456).

Под этим углом зрения Линдсей и рассматривает историю Византии и ее культуры.

Ознакомление с содержанием разделов его книги, в которых рассматриваются пути исторического развития Византии, свидетельствует о том, что работа Линдсея выгодно отличается от произведений тех современных буржуазных византинистов, которые сводят историю Византии к истории императоров и к истории церкви.

Переход от Римской империи к Византии Линдсей понимает как переход от рабовладельческого строя к феодальному. С полным основанием автор утверждает, что главной причиной кризиса поздней Римской империи был упадок рабовладельческой системы хозяйства. Правда, он в некоторой степени платит дань традиционной для буржуазной историографии точке зрения, согласно которой большую роль в этом кризисе сыграло отсутствие устойчивых рынков, но идет дальше и подчеркивает невозможность при рабовладельческом способе производства развивать технику (стр. 24).

Большой заслугой автора является то, что падение Римской империи он рисует в виде результата революционных движений колоннов, рабов,

¹ Рецензия, опубликованная в журнале „Speculum“ (1953, т. XXVIII).

солдат, — движений, направленных против рабовладельческого государства. В противоположность тем буржуазным историкам, которым чуждо понимание классовых основ императорской власти в Риме, Линдсей неоднократно подчеркивает, что император выражал интересы класса крупных земельных собственников в целом, что императоры пытались спасти старую разрушавшуюся систему хозяйства (стр. 29, 57 и др.). Поэтому, говорит автор, борьба угнетенных масс народа не могла не направляться против Римского государства.

Отношение к классовой борьбе, оценка ее исторического значения опять-таки коренным образом отличают книгу Линдсея от трудов некоторых реакционных буржуазных византинистов. В то время как последние склонны осуждать движение народных масс и усматривают в нем лишь „нарушение правопорядка и законности“, „бессмысленный мятеж“, — автор рецензируемой книги видит в классовой борьбе движущую силу исторического развития (стр. 57 и др.). Революционные восстания народных масс в Римской империи, пишет Линдсей, „решительно расшатали базис античного государства“ (стр. 457) и создали возможность перехода общества на путь феодального развития (стр. 28).

Здесь уместно отметить, что именно оценка Линдсеем значения классовой борьбы в истории поздней Римской империи вызывает особенно резкое возмущение рецензента из литературного приложения „Таймс“, по словам которого источники якобы не дают никаких оснований для подобных выводов. Однако исследованиями советских античников и медиевистов твердо установлено, что переход от античной рабовладельческой формации к феодальной имел глубоко революционный характер.

Идею о прогрессивной роли классовой борьбы автор стремится провести и в остальных разделах своей работы. С этой идеей теснейшим образом связана другая важная мысль: историю творят не отдельные личности, но народные массы. Известно, что многие современные буржуазные историки при рассмотрении вопроса о переходе от античности к средневековью на первый план ставят личность императора Константина, правление которого якобы открыло новую эру в истории (см. работы Пиганьоля, Фогта, Холсэппла, Хённа и др.). Линдсей не отрицает значения мероприятий, осуществленных тем или иным императором, но отмечает, что нельзя забывать решающей роли, которую в процессе перехода к средневековому обществу сыграли массы бесчисленных колоннов, рабов, крестьян, солдат, ремесленников (стр. 68).

Принципиально новым для византиноведческой литературы Запада является и выдвинутое в книге Линдсея понимание истории церкви и ересей. Союз императорской власти с христианской церковью, объясняемый некоторыми буржуазными историками как результат „внутреннего озарения“ Константина, автор рецензируемой книги расценивает в качестве прямого результата кризиса III в.: обострение классовой борьбы вынудило императоров привлечь на свою сторону христианскую церковь с целью укрепления расшатывающегося государства (стр. 29—30). Автор справедливо подчеркивает, что в обстановке гибели Римской империи, равно как и в условиях раннего средневековья, широкие народные движения естественно должны были принимать форму религиозной ереси. Он правильно полагает, что за богословским одеянием религиозных еретических учений скрывалось социальное и политическое содержание, и делает небезынттересную попытку вскрыть его. Характерное для ряда ересей стремление „очеловечить“ Христа, отрицание его божественной природы Линдсей связывает с тем, что народные

массы были склонны понимать Христа как народного героя, не только искупившего грехи человечества, но вместе с тем освободившего угнетенных от рабства и основавшего царство социальной гармонии. Противоречие между подобной идеей и суровой действительностью преломлялось в умах еретиков в виде противоречия между богом-сыном и богом-отцом. Отсюда было недалеко от отождествления бога с государством, и это отождествление, по мнению Линдсея, в той или иной мере делалось еретиками (стр. 180).

Исходя из понимания религиозной ереси как своеобразной исторически обусловленной формы классовой борьбы, Линдсей рассматривает различные еретические движения в Римской империи и в Византии. Привлекая значительный фактический материал, он останавливается на оценке арианства, движения монофизитов, несториан, иконоборцев, павликиан, богомилов и других народно-еретических выступлений. Линдсей подчеркивает, что в них, как правило, имели место попытки „социального приложения евангелия“ (стр. 197). Так, например, движение павликиан отражало борьбу византийского крестьянства против усилившегося его закрепощения, а поражение павликиан означало, по мнению автора, торжество феодального государства и было связано с исчезновением свободной сельской общины в результате феодального подчинения крестьянства (стр. 240—243).

В предлагаемом автором объяснении социальной сущности ересей не все представляется доказанным и бесспорным (он и сам сознает предварительный характер своего анализа этой проблемы), но следует приветствовать то, что он, выдвигая совершенно правильное положение о связи еретических движений с классовой борьбой народных масс, не ограничивается постулированием его в общей форме, а стремится вскрыть эту связь в ее конкретном выражении.

Линдсей придерживается понимания феодализма как такого общественного строя, который основывается на эксплуатации феодалами крестьян, эксплуатации, осуществляемой путем присвоения господствующим классом феодальной ренты. Исходя из этого, он утверждает, что Византия в средние века была столь же феодальным государством, как и страны Западной Европы.

Видную роль в процессе становления византийского феодализма Линдсей отводит возрождению общинных отношений, которое было связано со славянскими вторжениями на территорию империи (стр. 82, 139 и др.). Как видим, и в данном случае автор рецензируемой книги стоит на принципиально иных позициях по сравнению с теми, которые занимают в своем большинстве современные буржуазные византилисты, всячески пытающиеся принизить или вовсе отрицать значение славянской колонизации Византии. В возрождении сельской общины Линдсей справедливо усматривает основу перестройки византийского общества, происшедшей в VIII—IX вв.

Другим важным моментом, который способствовал, по его мнению, этой перестройке, была иконоборческая политика византийских императоров. Оценка, даваемая автором иконоборчеству, отличается, на наш взгляд, противоречивостью. С одной стороны, он с полным основанием проводит четкое разграничение между иконоборческим движением народных масс и политикой Исаврийской династии, направленной против церковного землевладения; заслуживает внимания мнение его о том, что отрицательное отношение павликиан к иконам может быть полностью объяснено внутренними противоречиями византийского общества, без привлечения такого фактора, как влияние мусульманства (стр. 222).

С другой стороны, однако, определение иконоборческого движения как „первой Реформации“ и стремление сблизить его с Реформацией XVI в. (стр. 85) обнаруживает недостаточно ясное понимание автором социальной сущности реформационного движения; проводимое автором сближение является поверхностным.

Линдсею чуждо распространенное в буржуазной византиноведческой литературе представление о македонских императорах как „защитниках крестьянства“. Он указывает, что императоры не могли приостановить разорения и закрепощения крестьян, так как опирались на феодалов, их закрепощавших (стр. 150—152).

Укрепление власти феодалов и стоявшего на страже их интересов государства, пишет Линдсей, сделало возможным для Византии оставаться мировым центром на протяжении четырех столетий (стр. 228). Но с XIII в. начинается упадок Византийской империи. Византия перестает оказывать на другие страны то мощное влияние, которое она распространяла в предшествующую эпоху. Византия, говорит он, погибла от раздиравших ее внутренних противоречий.

Особенностью Византии было, по мнению Линдсея, то, что здесь на протяжении всей истории византийского общества сохранялось централизованное государство. В то время как на Западе возникает город-коммуна, в котором были заложены возможности развития буржуазных отношений, в Византии не было развития городов такого типа (стр. 99, 456—457). Византийская торговля с Западом, полагает Линдсей, во многом способствовала подъему европейских городов, но в самой Византии город до конца сохранял черты античного полиса и его развитие задерживалось государственным контролем (стр. 164—165). В XIV в. городское население Византии делало попытки добиться самостоятельности, необходимой для того, чтобы вступить на тот путь развития, по которому пошли города Италии,—таково, по мнению Линдсея, восстание зилотов; но эти силы были недостаточно развиты, а их противник — все еще слишком могущественным (стр. 254—257).

Мнение Линдсея о том, что византийское государство являлось препятствием для развития самостоятельности городов, укрепление связей между которыми сделало бы возможным образование национального государства, как это имело место в ряде стран Европы, вызывает интерес. Однако представляется необходимым привлечь для объяснения упадка византийского государства также некоторые другие факты первоисточенного значения, которые автор обходит молчанием, — прежде всего кризис феодальной системы хозяйства, переживавшийся Византией в XIV—XV вв.

Разбор приведенных выше положений книги Линдсея, трактующих о весьма существенных сторонах исторического процесса в Византии, свидетельствует о том, что автор по ряду важнейших вопросов решительно порывает с традициями буржуазной историографии. В этой связи следует отметить и критическую оценку, даваемую им концепциям буржуазных византинистов. Остановившаяся на разборе наиболее известных сочинений западной византистики (Гиббон, Финлей, Бьюри), Линдсей показывает классовую ограниченность мышления буржуазных историков, подчас фальсифицировавших историю Византии. Историографический очерк Линдсея неполон: он разбирает, в основном, работы, в которых недооценивается роль Византии в истории средневековья, но проходит мимо распространенной на Западе точки зрения на византийское государство как на образец „сильной власти“ и „оплот порядка“ против народных возмущений. Однако хотелось бы подчеркнуть крити-

ческую оценку, которую автор дает мнениям известного современного социолога А. Тойнби. В этой критике Линдсей опирается на правильное понимание интересов английского народа (стр. 463—467).

Заслугой Линдсея является то, что, отказываясь от многих традиционных представлений буржуазного византиноведения, он объективно, с непредвзятой точки зрения подходит к работам советских историков, указывая, что они впервые сумели достигнуть глубокого понимания природы и характера развития византийского общества (стр. 463). Нетрудно убедиться в том, сколь многим обязан сам Линдсей советским историкам в деле выработки своей концепции истории Византии. В ряде важнейших вопросов: роль классовой борьбы в истории, деятельность народных масс как решающая сила развития общества, подход к пониманию религиозно-еретических движений, трактовка государства как надстройки над социальным базисом и т. д., — Линдсей стоит на позициях марксизма, что коренным образом отличает его работу от большинства сочинений по истории Византии, выходящих на Западе, методологической основой которых является сугубо идеалистическое понимание истории.

Но вместе с тем в рецензируемой книге содержатся ошибочные положения, которые заслуживают специального рассмотрения.

Прежде всего Линдсей, правильно указывая на феодальную ренту как на материальное выражение феодальной эксплуатации крестьянина, явно недооценивает значения феодальной собственности на землю. Он полагает, что причиной уплаты крестьянином ренты феодалу было исключительно принуждение; никакой экономической основы ренты он не видит (стр. 454). Эта ошибка объясняется тем, что автор не ставит вопроса о природе феодальной собственности на землю; если бы такой вопрос был им поставлен, то он бы убедился в том, что собственность феодала на землю предполагала вместе с тем и принуждение по отношению к сидящему на этой земле и ведущему на ней свое хозяйство крестьянину. Следовательно, само внеэкономическое принуждение было экономически обусловлено, а именно — оно было обусловлено собственностью феодала на землю, обрабатываемую крестьянином.

Далее, основательно полагая, что поворот в Римской империи в сторону феодализма относится к III в., и показывая, как мы видели выше, роль народных восстаний в истории падения рабовладельческого строя, Линдсей не обращает должного внимания на другую сторону этого процесса — на вторжения в Римскую империю варваров. Он считает, что на Западе имело место не завоевание, а „допущение в империю германских федератов и подданных“ (стр. 387). В данном случае автор, повидимому, находится в плену представлений, культивируемых многими буржуазными медиевистами.

Вторая половина книги Линдсея посвящена изучению византийской культуры и влиянию ее на культуру других народов. Автор собрал значительный конкретный материал о развитии различных отраслей византийской культуры, и эти разделы читаются с большим интересом. Линдсей здесь постоянно подчеркивает, что культурное развитие Византии определялось теми импульсами, которые оно получало от народного творчества. Автор справедливо упрекает буржуазных историков в том, что они не сумели увидеть источников творчества, заключенных в народе Византии, и скользили вследствие этого по поверхности явлений (стр. 286).

Интересна высказываемая Линдсеем мысль о противоречивости византийского искусства и литературы, причем автор склонен связывать эту противоречивость, повидимому, не только со столкновением различ-

ных влияний (античных, восточных и т. д.), но и с внутренней социальной борьбой, которая раздирала Византию.

Линдсей подробнейшим образом прослеживает следы византийского культурного влияния на культуру Запада. В данном случае он вправе говорить о том, что не имеет себе предшественников. Буржуазные византилисты охотно пишут о византийском влиянии на славян и на Русь, сплошь и рядом они вообще отрицают самобытность славянской культуры в средние века, пытаясь выдать ее за предмет византийского экспорта, но о византийском влиянии на народы Западной Европы не написано почти ничего. Линдсей стремится восполнить этот пробел: он собрал много данных, свидетельствующих об усвоении европейцами ряда элементов византийской культуры (имея в виду, что сама византийская культура была весьма сложным комплексом). Думается, однако, что, задавшись этой целью и сосредоточив свое внимание на интересующем его вопросе, автор несколько утратил перспективу, вследствие чего ему не удалось избежать определенных ошибок.

Мы не собираемся оспаривать отдельные оценки автора относительно византийского влияния на Европу: было ли оно в самом деле, как он пишет, „фундаментальным“ (стр. 290) и т. д. Нам хотелось бы остановиться на принципиальной ошибочности некоторых выдвинутых им положений. Когда Линдсей пишет, что „готика была византийским искусством, подчиненным нуждам и интересам молодого западного города, новой коммуны“ (стр. 296), или что мастера раннего Возрождения (например, Джотто) оставались „провинциальными художниками византийского мира“ (стр. 302); когда он утверждает, что предпосылки итальянского Ренессанса нужно искать в Византии (стр. 340) или что работа западной философии с XII по XV в. заключалась якобы скорее в усвоении византийско-арабского наследства, чем в самостоятельном научном изыскании (стр. 412) и т. п., то независимо от того, в какой мере в каждом из этих случаев имело место византийское влияние (мы отнюдь не склонны его отрицать), автор совершает серьезную ошибку, заключающуюся в том, что он ищет источники культурного развития не в самом общественном строе европейских стран, а во внешнем влиянии, которое, как уже говорилось, он считает „фундаментальным“.

Не вызывает никакого сомнения, что готика, какие бы элементы ни принимали участия в ее формировании, была искусством западно-европейским, а не византийским, точно так же, как Джотто был представителем раннего итальянского гуманизма, а не провинциальным византийским мастером, на каких бы образцах он ни учился. Сказать, что творчество Абеяра, Роджера Бэкона, мыслителей и ученых итальянского Возрождения сводилось к „акклиматизации византийско-арабской мысли“, значит игнорировать экономический подъем Европы, приведший к росту городов и к появлению в XIV—XV вв. молодой буржуазии в отдельных областях Италии. Иными словами, сводить все дело к влиянию или к приспособлению чужих, на стороне выработанных идей к местным потребностям — значит серьезно отступать от марксистского учения о базе и надстройке. Поэтому, несмотря на делаемые автором оговорки, ему не удастся с полной ясностью показать действительной степени влияния, оказанного Византией на культуру окружающих ее стран, в частности стран Европы.

Отмеченные недостатки снижают научный уровень рецензируемой книги.

Подводя итоги, следует сказать, что книга Линдсея является первым опытом марксистского освещения ряда сложных и неразработанных

ных проблем истории Византии в английской литературе. По своей методологической направленности и многим выводам она представляет собой новое и притом весьма положительное явление в зарубежном византиноведении.

Именно поэтому выход в свет этой книги встретил в высшей степени сочувственный отклик у прогрессивных английских историков. Английский ученый Р. Браунинг в своей рецензии на работу Линдсея¹ справедливо подчеркнул крупные достоинства этой книги. Он указал, что в ряде вопросов истории Византии Линдсей вносит существенные коррективы в господствующие в науке взгляды. Книгу „Влияние Византии на Европу“ он характеризует как исследование, которое будит исследовательскую мысль и заставит ученых пересмотреть многие традиционные взгляды.

Необходимо особенно подчеркнуть то обстоятельство, что работа прогрессивного английского писателя наносит новый удар лженаучной теории, приверженцы которой противопоставляют „дивилизованный“ Запад „закостенелому и неподвижному“ Востоку. И нельзя не согласиться с Браунингом, который пишет, что книга Линдсея написана с твердым убеждением в том, что цивилизация не может ни строиться, ни сохраняться без содействия всех народов и всех стран. В современной обстановке актуально звучит призыв Линдсея к людям доброй воли, которым заканчивается его книга, о необходимости защиты культуры Европы, созданной всеми ее народами.

А. Я. Гуревич и М. А. Заборов

СВЕДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ГРУЗИИ, т. IV, вып. II

**Греческий текст с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил
С. Г. Каухчишвили. Институт истории им. акад. И. А. Джавахишвили.
Изд. Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1952.**

Продолжительные культурные, политические и экономические связи Грузии с Византией нашли отображение в византийских письменных памятниках. Серия книг „Сведения византийских писателей о Грузии“ делает доступным для широкого круга читателей ценный фактический материал, рассеянный в малодоступных изданиях византийских письменных источников.

Первый выпуск IV тома названной серии был издан в 1941 г., второй выпуск вышел со значительным опозданием. Во втором выпуске IV тома помещены выдержки из произведений следующих византийских авторов: Василия Софенского, Никифора Константинопольского, Николая Мистика, Константина Багрянородного, Иосифа Генесия, Георгия Амартола, лексикографа Свиды и Продолжателя Феофана.

Издателем даются краткие сообщения относительно каждого автора, греческий текст с грузинским переводом и примечания, а также указываются научные издания текстов и монографическая литература на русском и иностранных языках.

¹ Labour Monthly, ed. R. Palme Dutt, October, 1953, стр. 479—480.